

ДЕКАБРИСТЫ ВЪ 60-е ГОДЫ.

«Я давно уже раздѣлилъ Россійскую исторію на два періода. Первый—феодализмъ съ Рюрика, второй—деспотизмъ съ Іоанна III. Третьему—сѣмь положено 14 декабря... И сіе 14 декабря къ будущему относится такъ, какъ Іоаннъ Калита къ Іоанну III», («Дневникъ» Погодина, 1826 г., «Жизнь и труды М. П. Погодина», Н. Барсукова, кн. II, стр. 18).

Въ свободомыслии трудно заподозрить Погодина; но у него было чувство исторической дѣйствительности.

Великій рубежъ новой Россіи—преобразование Петра—въ этомъ раздѣленіи какъ будто отсутствуетъ. Но въ дѣйствительности, реформа Петровская нашла свое завершеніе въ 14 декабря на Петровской площади: недаромъ батальонное карре мятежнаго Московскаго полка избрало для себя опорою подножье Мѣднаго Всадника. Петръ приобщилъ Россію къ плоти,—14 декабря приобщило ее къ духу Европейскаго Запада: если духъ съ плотью, то 14 декабря—съ Петромъ.

1825—1915, — объ этой девяностолѣтней годовщинѣ никто не вспомнилъ.

Вообще, память у насъ коротка. Вся русская исторія, отъ Карамзина до нынѣшнихъ—«попятная», реакціонная, а наше движеніе впередъ—какъ будто внѣ исторіи. Тутъ каждое поколѣніе внезапное; дѣти безъ отцовъ; сегодняшній день безъ вчерашняго.

«Новое поколѣніе не считаетъ себя связаннымъ съ прошедшимъ: оно хочетъ жить своею собственною жизнью

Пусть такъ, но ни одна жизнь не проявляется сама собою, она основывается на прошедшемъ; а если въ этомъ прошедшемъ было жизненное начало, то оно проявляется и въ будущемъ»,—писалъ въ 1860 году князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, одинъ изъ главныхъ участниковъ декабрьскаго возстанія.

Святое преданіе свободы, святую связь временъ воплощаютъ тѣ немногіе декабристы, которые дожили до 60-хъ годовъ. Таковы кн. Оболенскій и Батенковъ.

«Оболенскій былъ самымъ усерднымъ сподвижникомъ предпріятія и главнымъ, послѣ Рылѣва, виновникомъ мятежа. За неприбытіемъ Трубецкого на мѣсто возстанія, собравшіеся злоумышленники единогласно поставили его своимъ начальникомъ», говоритъ Боровковъ, дѣлопроизводитель Слѣдственной Комиссіи.

А во «всеподданѣйшемъ докладѣ Верховнаго Уголовнаго Суда» Оболенскій помѣщенъ въ I-мъ разрядѣ «государственныхъ преступниковъ», тотчасъ послѣ Трубецкого, «диктатора»:

«Поручикъ князь Оболенскій. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи Союза Благоденствія установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное Общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя приуготовлять главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ ономъ съ оружіемъ, съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ графа Милорадовича; возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство».

Судъ приговорилъ Оболенскаго къ «отсѣченію головы». Но, при высочайшей конфирмаціи, смертная казнь замѣнена «сылкою въ каторжныя работы вѣчно».

Онъ пробылъ на каторгѣ, въ Нерчинскихъ рудникахъ, въ Читѣ и на Петровскомъ заводѣ, 13 лѣтъ; затѣмъ, на поселеніи, въ Туринскѣ и Ялуторовскѣ — еще 17; всего

30 лѣтъ въ ссылкѣ. Въ 1856 году, по манифесту Александра II, вернулся въ Россію и умеръ въ 1865 г.

Гавріилъ Степановичъ Батенковъ занесенъ въ 3-й разрядъ: «Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, соглашался на умыселъ бунта и приготавливалъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами».

3-й разрядъ приговоренъ къ вѣчной каторгѣ, а по конфирмаціи—къ 20 лѣтней. Но каторга замѣнена для Батенкова одиночнымъ заключеніемъ въ крѣпости. Почему—неизвѣстно, но отчасти можно объ этомъ судить по сохранившемуся въ Государственномъ Архивѣ собственноручному показанію Батенкова отъ 18 марта 1826 года:

«Станный и ничѣмъ для меня неизъяснимый припадокъ, продолжавшійся во время производства дѣла, унизилъ моральный мой характеръ... Постыднымъ образомъ отрицался я отъ лучшаго дѣла моей жизни... Я не только былъ членъ Тайнаго Общества, но членъ самый дѣятельный... Тайное Общество наше отнюдь не было крамольнымъ, но политическимъ. Оно, исключая развѣ немногихъ, состояло изъ людей, коими Россія всегда будетъ гордиться... Цѣль покушенія не была ничтожна... не мятежъ, какъ къ стыду моему именовалъ я его нѣсколько разъ, но первый въ Россіи опытъ революціи политической... Чѣмъ менѣе была горсть людей, его предпріявшая, тѣмъ славнѣе для нихъ, ибо, хотя, по несоразмѣрности силъ и по недостатку лицъ, готовыхъ для подобныхъ дѣлъ, гласъ свободы раздавался не долѣе нѣсколькихъ часовъ, но и то пріятно, что онъ раздавался»...

Батенковъ, когда дѣлалъ свое показаніе, зналъ, на что идетъ.

Существуетъ преданіе, будто бы императоръ Николай Павловичъ, еще во время слѣдствія, признавъ Батенкова невиннымъ, повелѣлъ выпустить его изъ крѣпости. Но тотъ написалъ государю, что если его выпустятъ, то онъ составитъ новый заговоръ. Тогда Николай Павловичъ послалъ къ нему своего лейбъ-медика Арендта, освидѣтельствовать, нѣтъ ли у него горячки.

— «Если вы скажете, что я боленъ, то будете сами отвѣчать за послѣдствія»—объявилъ ему, будто-бы, Батенковъ.

Арендтъ доложилъ государю, что хотя пульсъ у Батенкова возбужденъ, но помѣшательства нѣтъ.

Его заключили въ фортъ Свартгольмъ, высѣченномъ въ голой гранитной скалѣ среди моря, на Аландскихъ островахъ, въ Финляндіи. Здѣсь написалъ онъ свою страшную поэму «Одичалый»:

Пространство въ нѣсколькихъ шагахъ,
Съ желѣзомъ ржавымъ на дверяхъ,
Соломы сгнившей пукъ обшитый
И на увлажненныхъ стѣнахъ
Слѣды страданій позабытыхъ...
Живой въ гробу,
Клянусь судьбу
И день несчастнаго рожденья...
Скажите: свѣтитъ ли луна?
И есть ли птички хоть на волѣ?
И дышутъ ли зефиры въ полѣ?
По старому-ль цвѣтеть весна?
... Не вѣрю. Все переменялось:
Земля вращается, стена,
И солнце красное сокрылось;
Но, можетъ быть, лишь для меня!

Послѣ полугодоваго заключенія въ Свартгольмѣ, перевели его снова въ Петропавловскую крѣпость и посадили въ Алексѣевскій равелинъ, въ полутемный казематъ, шагъ 10 въ длину и 6 въ ширину.

Заключеніе было такъ строго, что караульнымъ запрещено было говорить съ арестантомъ, и на самые невинные вопросы: «который часъ? Какой день?»—былъ одинъ отвѣтъ: «говорить не велѣно».

Здѣсь просидѣлъ онъ остальные 19 лѣтъ съ половиною, спасаясь отъ безумія чтеніемъ Библии. Наконецъ, потерялъ счетъ времени: ему казалось иногда, что онъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ въ заключеніи, или что нѣсколько мѣсяцевъ стоитъ на молитвѣ, не принимая пищи.

Всѣ, друзья и враги, забыли о немъ. Никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. «И узнать нельзя было, что за вещь попала подъ № 5» (номеръ его каземата)—вспоминалъ онъ вполсѣдствіи.

Такъ бы и умеръ онъ въ заключеніи, если бы случайно не вспомнилъ о немъ и не доложилъ государю комендантъ крѣпости. Въ 1846 году отправили Батенкова на поселеніе въ Томскъ.

На второй станціи отъ Петербурга, увидѣвъ женщину, первую послѣ 20 лѣтъ, онъ обрадовался ей, какъ малый ребенокъ, обнялъ ее и расцѣловалъ.

Очутившись вдругъ на свободѣ, съ живыми людьми, онъ чувствовалъ такую растерянность, «одичалость», что многіе считали его помѣшаннымъ. Прохаживаясь по комнатѣ и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ—длину каземата,—внезапно останавливался, какъ будто натолкнувшись на стѣну и поворачивалъ назадъ. Боялся тишины. Однажды сидѣлъ одинъ въ комнатѣ. Вдругъ слышались оттуда крики. Бывшіе въ сосѣдней комнатѣ побѣжали узнать, что случилось. Оказалось, что Батенковъ сидитъ спокойно на томъ же мѣстѣ.

— «Гавріилъ Степановичъ, что съ вами?»

— «Ничего. Надо же человѣку и покричать».

Такъ въ казематѣ кричалъ, чтобы услышать хотя бы звуки собственнаго голоса.

По манифесту 1856 года вернулся въ Россію и умеръ въ 1863 году.

Оболенскій и Батенковъ были друзья, и больше, чѣмъ друзья,—близнецы духовные.

Участникамъ 14 декабря, перваго неудачнаго «опыта», имъ суждено было сдѣлаться свидѣтелями и втораго опыта, тоже не совсѣмъ удачнаго—19 февраля.

Батенковъ почти не говорилъ о дѣлахъ общественныхъ. «Я, кажется, остоленѣлъ до гроба». Остоленѣлъ и замолчалъ. Но о томъ, что онъ думалъ и чувствовалъ, можно судить по письмамъ друга его, Оболенскаго. («Декабристы», П. М. Головачева, изд. Зензинова, Москва, 1907 г.).

«Вотъ и Новый годъ наступилъ,—писалъ Оболенскій въ январѣ 1861 г., т. е. наканунѣ 19 февраля, другому бывшему члену Тайнаго Общества, но могъ бы написать и Батенкову.—Обнимемъ другъ друга... и пожелаемъ новому поколѣнію того счастья, котораго желали себѣ... Голосъ свободы земли русской скоро раздастся на всю ея ширину и долготу»...

«И это все будетъ совершаться въ присутствіи нашемъ, т. е. тѣхъ, которые давно и очень давно чувствовали всю тяжесть того зла, которое лежало тяжелымъ гнетомъ на всемъ народѣ нашемъ» (1864).—«Нашъ покойный Александръ всѣмъ сердцемъ желалъ ввести въ жизнь все то, что нынѣ уже совершенно и что совершается» (1865).

Старая, вѣчная исторія: зло становится добромъ, преступленіе—подвигомъ.

За что-же эти «люди, которыми Россія всегда будетъ гордиться», причтены къ злодѣямъ? Этого вопроса нѣтъ у нихъ—ни осужденія, ни ропота—только тихая улыбка тихой мудрости.

«Многое, мой другъ, мы пережили и многое переживаемъ нынѣ... Останемся вѣрны прошедшему—хорошему; по милости Божіей, оно въ насъ очищено и очищается ежедневно; пусть оно явится въ свѣтѣ истины,—и жизнь наша не потеряетъ своего значенія... Пусть юное поколѣніе видитъ въ насъ цѣнителей добра... Въ этомъ наше призваніе... *Мы представляемъ знамя*».

Да, «знамя», — лучше нельзя выразить того, что эти люди сдѣлали въ русской исторіи.

Но и вторымъ «опытомъ» они себя не обманываютъ, такъ же какъ не обманывали первымъ: знаютъ, что дѣло не кончено, а едва лишь начато.

«Много ранъ надо укрѣпить, много зла, укоренившись въ нами, должно съ корнемъ вырвать! И все это сдѣлается не безъ боли, не безъ сопротивленія тѣхъ, которые будутъ предметомъ леченія. И все негодованіе, всю неволю припишутъ гласу свободы»—предсказываетъ Оболен-

«скій, и тутъ же, на глазахъ его, исполняется это предсказаніе.

«Старое не хочетъ умереть, а новое еще не окрѣпло». — «Память крѣпостного состоянія остается въ нравахъ, привычкахъ и даже въ крови... Весь нашъ чиновничій міръ, весь составъ нашего правительства не тѣ-же ли помѣщики, зараженные тѣмъ же духомъ крѣпостного права?... По буквѣ закона свобода водворена, но она не въ жизни; она едва видна на бумагѣ, откуда ее хотя не вычеркнуть, но исказятъ ея смыслъ». — «На словахъ всѣ согласны, что свобода весьма прекрасная идея, но когда нужно примѣнить ее къ жизни, то одна сторона—правительствующая—даетъ ей смыслъ безусловной покорности, а другая находитъ, что свобода, въ примѣненіи къ жизни, лишаетъ ее того нравственнаго и вещественнаго капитала, безъ котораго слово «свобода» улетучиваетъ ея существованіе» (1861).

«Это время — переходное, которое окончательно устроится, когда *обѣ стороны* найдутъ полезнымъ тѣснѣйшее единеніе... Но до того времени много еще будетъ столкновеній неизбѣжныхъ... Образованная сторона не можетъ еще признать равноправности другой» (1861).

Что «*обѣ стороны*», народъ и *интеллигенція* (Оболенскій здѣсь впервые употребляетъ это слово)—двѣ стороны, два края вновь зазіявшей пропасти, онъ уже предчувствуетъ.

Смыслъ перваго «опыта»—14 декабря—только политическій; смыслъ втораго—19 февраля—политическій и *соціальный*. Вотъ эта-то новая, невѣдомая сторона освобожденія пугаетъ стариковъ. Они, впрочемъ, и сами чувствуютъ, что чего-то не понимаютъ и никогда не поймутъ. «Молодое поколѣніе опередило насъ и должно опередить». Тутъ между двумя поколѣніями неразрѣшимая антимомія либерализма и социализма, свободы и равенства.

«Петербургскіе пожары (1862) страшно всполошили всѣхъ и своимъ заревомъ освѣтили всю Россію». — «Какая причина поджоговъ? Кто знаетъ? Но всѣмъ извѣстно, что

прокламаціи самого революціоннаго характера стараются разсѣивать въ народѣ... Неужели нѣтъ связи между огнемъ вещественнымъ, которымъ истребляютъ собственность, и огнемъ революціоннымъ, коимъ стараются поджечь основанія гражданскаго быта?»

Старики удивляются, что блѣдная заря становится красною, и, можетъ быть, находятъ на нихъ минуты сомнѣнія, та ли это свобода, о которой они мечтали. «Мысль о будущемъ страшить. Какъ и чѣмъ разрѣшится готовящаяся буря?»

Но страхъ и сомнѣніе—только мгновенная тѣнь, какъ отъ бѣгущаго облака. Антиномію, умомъ неразрѣшимую, разрѣшаетъ сердце.

«Вѣрю, что зло излѣчимо и исправимо».—«Пусть общее движеніе будетъ даже ненормально; но и то хорошо, что люди пробудились отъ сна, и жизнь начинаетъ проявляться».—«Тѣ, которые привыкли къ оковамъ, не умѣютъ еще справляться со свободными движеніями; неужели имъ можно ставить въ вину естественную неловкость? Она скоро пройдетъ...»—«Мы или дѣти наши увидятъ плоды нашихъ лучшихъ стремленій и желаній».—«Рядъ свѣтлыхъ годовъ рисуется впереди, какъ отрадные лучи того солнца правды и свободы, которые свѣтятъ намъ и будутъ постоянно освѣщать путь нашей тысячелѣтной Россіи».—*«Все будетъ ладно».*

Да, «все будетъ ладно»,—это тихій свѣтъ вечерній, всеозаряющій, святая старость—святая радость.

«Въ душѣ миръ и тишина... Благословеніе свыше есть основаніе, на коемъ одномъ зиждется радость вѣчная»...—«Дай Богъ намъ явиться съ именемъ Его святымъ, впечатлѣннымъ на всей нашей жизни».—«Отраднѣе вѣра въ свѣтлую будущность, которая открывается намъ въ домѣ Отца нашего небеснаго... Другъ, держись крѣпко за этотъ единственный якорь спасенія—и свѣтла предстанетъ тебѣ жизнь во всей ея полнотѣ и небесномъ величіи».

Къ тому же приходитъ и Батенковъ. Онѣмѣвший,

«остолбенѣвшій до гроба», онъ говоритъ, лепечетъ невнятно, вспоминая все, что выстрадалъ: «Сначала мнѣ казалось вопіющею несправедливостью, потомъ кое какъ приподымался въ уровень, а теперь ужъ смѣшно было бы отталкивать понесенный крестъ... Тутъ Христосъ, научившій смиренію... Вотъ, мой другъ, утреннія мои мысли...»

«Владыко, отпусти слугу
Въ родной домъ съ миромъ по глаголу;
Я видѣлъ свѣтъ, нисшедшій долу,
И указать его могу»...

Не то ли это самое, что онъ предчувствовалъ еще тогда, въ Свартгольмской крѣпости, «живой въ гробу»?

«Вкушайте, сильные, покой,
Готовьте новыя мученья!
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья!»

Тутъ религіозная правда личная сливается съ религіозной правдой общественной. Потому-то такъ и крѣпка общественность, что за нею—религія, за временнымъ—вѣчное.

«Необходимо и неопровержимо отношеніе временнаго къ вѣчному, — говоритъ Оболенскій, и могъ бы сказать Батенковъ.—Новая жизнь да восторжествуетъ надо всѣмъ, что чуждо духу *православному*».

Онъ говоритъ «православіе», потому-что не умѣетъ иначе сказать. Но что тутъ больше, чѣмъ православіе, что тутъ явленіе «новаго міра»,—намъ теперь уже ясно. «Проходитъ старый и начинается новый міръ, какъ было въ началѣ нашей эры. Но истина тогда же была въ Евангеліи».

Таковъ религіозный смыслъ 14 декабря—перваго опыта русской свободы. Во второмъ—въ шестидесятихъ годахъ—этотъ смыслъ утраченъ; новое поколѣніе подняло знамя, на которомъ было написано: общественность безъ религіи, свобода безъ Бога.

Но тутъ уже не новое поколѣніе, не молодые опередили стариковъ, а, наоборотъ, старики—молодыхъ. Тутъ, въ соединеніи религіозной правды съ общественной, мы, внуки и правнуки, къ нашимъ дѣдамъ и прадѣдамъ ближе, чѣмъ къ нашимъ отцамъ.

Если таковъ смыслъ перваго опыта, то не таковъ ли будетъ и смыслъ послѣдняго? И если 14 декабря—«знамя», то не склонятся ли всѣ грядущія знамена передъ этимъ первымъ, на которомъ написано: *свобода съ Богомъ?*

О

РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЖИ НАЦИОНАЛИЗМА

Война съ войною — таковъ желательный для насъ, должный смыслъ настоящей войны. Но таковъ ли смыслъ данный, дѣйствительный?

Противъ милитаризма, какъ ложной культуры, выставляется принципъ культуры истинной, всечеловѣческой. Но принципъ этотъ оказывается на нашихъ глазахъ отвлеченнымъ и бездѣйственнымъ. Никогда еще, за память европейскаго человѣчества, не бывало такого попоранія самой идеи культуры всечеловѣческой.

Утвержденіе, будто бы Германія — страна мало-культурная, легкомысленно и невѣжественно. Связь Канта съ Крупномъ сомнительна. Но, если какая бы то ни была культура можетъ привести къ тому, къ чему привела Германію, то сама культура — палка о двухъ концахъ. Въ настоящей войнѣ она не съ варварствомъ, а съ иною культурою борется, — кажущаяся истинной — съ кажущейся ложной. А чтобы отдѣлить ложную отъ истинной, въ самой культурѣ, повидимому, нѣтъ мѣрила абсолютнаго.

Существо культуры сверхнаціонально, всемірно. «Потребность всемірнаго соединенія есть послѣднее мученіе людей. Всегда человѣчество, въ цѣломъ своемъ, стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великой исторіей, но, чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуръ и Чингисъ-ханы, пролетѣли, какъ вихрь, по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безсознательно, выразили ту же самую ве-

ликую потребность человечества ко всемірному и все-общему соединенію». (Достоевскій, «Великій Инквизиторъ»).

Эта потребность одна изъ главныхъ движущихъ силъ древняго, дохристіанскаго человечества. Ассирія, Мидія, Македонія—неудачныя попытки всемірнаго соединенія. Первая удача—Римъ. *Tu regere imperio, Romane, memento*,—въ этомъ сущность Римской имперіи. Римъ есть міръ, и «римскій миръ», *рах гомана*—воистину «миръ всего міра». Таковъ первый моментъ всемірнаго соединенія внѣшняго, государственнаго, какъ будто вѣчнаго, а на самомъ дѣлѣ, мгновеннаго, — равновѣсія, какъ будто непоколебимаго, а на самомъ дѣлѣ, неустойчиваго. Нашествіе варваровъ, по преимуществу, германцевъ, — своего рода національная реакція противъ римскаго единства, возвращеніе къ національной самобытности племенъ,—разбиваетъ изнутри это внѣшнее единство римской имперіи, какъ теплая, вешняя воды разбиваютъ ледяную кору.

Второй моментъ—всемірное соединеніе уже не внѣшнее, а внутреннее, во имя не человѣческаго, а Божескаго Разума, Логоса. Отвлеченная идея человечества впервые воплощается въ церкви вселенской, и «Римскій миръ» становится *миромъ Божиимъ*—*рах Dei*. Но тутъ же, въ самой церкви, происходитъ смѣшеніе двухъ несовмѣстимыхъ началъ—церковнаго и государственнаго. Вотъ почему и это второе соединеніе, второй «миръ всего міра» оказывается непрочнымъ. Опять націонализмъ вторгается въ единство всемірное, но уже не изнутри, а извнѣ, и раскалываетъ его сначала на двѣ половины—восточную и западную церкви,—потомъ на множество национальныхъ, помѣстныхъ церквей. Въ этомъ смыслѣ реформація, не случайно германская, есть второе «нашествіе варваровъ».

Третій моментъ — Великая Французская Революція и неизбежный выводъ изъ нея — наполеоновская имперія, новое возрожденіе древняго единства римскаго. Объявляя цѣлью завоеваній своихъ «*le reigné de la raison humaine*»—царство человѣческаго, только человѣческаго разума, Напо-

леонъ совпалъ съ Робеспьеромъ. И въ третій разъ націонализмъ разрушаетъ единство всемірное: борьба за национальную самобытность противъ Наполеоновской имперіи, т. е., въ послѣднемъ счетѣ, противъ революціи, приводитъ къ Священному Союзу, къ злѣйшей реакціи.

Наконецъ, четвертый моментъ, пока не осуществленный въ исторіи—соціализмъ. Сейчасъ мы видимъ воочію только безпомощность его, какъ начала объединенія всемірнаго.

Настоящая война—продолженіе «отечественныхъ», «освободительныхъ» войнъ съ Наполеономъ (1812—1815 г.г.),— по внѣшности тоже освободительная, «народная», война съ имперіализмомъ Германіи, выразившимся, будто бы, исключительно въ «Прусской военщинѣ». Но это именно только по внѣшности: въ дѣйствительности, существуетъ неразрывная связь между имперіализмомъ и націонализмомъ не въ одной Германіи, но и во всѣхъ ея противникахъ. У всѣхъ современныхъ европейскихъ народовъ подъ пепломъ націонализма тлѣетъ огонь имперіализма, въ большей или меньшей степени: тутъ количественная, а не качественная разниа.

Что же такое націонализмъ? Утвержденіе національной правды, частной и относительной, какъ абсолютной, всеобщей и всечеловѣческой. «Deutschland, Deutschland über alles!» или «Разумѣйте языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ» (т. е. съ нами съ одними и больше ни съ кѣмъ),— эти два лозунга одинаково кощунственны. Націонализмъ лицемѣрно, словесно утверждаетъ, — искренне, дѣятельно исключаетъ всѣ другія національности, кромѣ своей: если національная правда абсолютна, то она исключительна, единственна, ибо не можетъ быть двухъ абсолютовъ.

Съ патріотизмомъ, съ чувствомъ родины, націонализмъ не совпадаетъ метафизически. Въ плоскости духовной, внутренней, понятіе родины шире, чѣмъ понятіе государства: самое живое, личное въ бытѣ народномъ не вмѣщается въ бытіи государственномъ. Въ плоскости матеріальной, внѣшней, понятіе государства шире, чѣмъ по-

нятіе родины: въ одномъ государствѣ можетъ быть много народовъ, много родинъ. Это значить, что патріотизмъ можетъ быть и внѣгосударственнымъ: у современныхъ поляковъ и евреевъ нѣтъ государства, но есть родина. Существо націонализма всегда государственно. Но существо самого государства сверхнаціонально. Понятіе націи вмѣщается въ понятіи государства, но не обратно: много націй можетъ входить въ одно государство. Нѣтъ столь малой державы, которая не стремилась бы сдѣлаться «великою», на счетъ другихъ меньшихъ. Неизбѣжный метафизическій предѣлъ государственности—«великодержавность», имперіализмъ, нація, утверждающая свою частную, относительную правду, какъ абсолютную и всечеловѣческую.

Вотъ почему націонализмъ, метафизически связанный съ имперіализмомъ, по природѣ своей, хищень, воинственъ и завоевателень.

Нѣтъ націонализма безъ имперіализма. Подъ вѣчнымъ предлогомъ защиты своего отечества, онъ вѣчно нападаетъ на чужое, беззащитное. Глаза у него «завидушіе», руки «загребущія». *Ex ungue leonem*, по когтямъ узнается левъ или волкъ: націонализмъ—волкъ въ овечьей шкурѣ.

Борьба съ націонализмомъ — главная задача русской интеллигенціи. Кажется, ни въ одной странѣ, ни въ одну эпоху борьба эта не велась такъ непримиримо. Отъ Чаадаева до Вл. Соловьева, русское «западничество», борьба со славянофильствомъ, и есть не что иное, какъ борьба съ націонализмомъ. «Да будетъ проклята всякая народность, исключаяющая изъ себя человѣчность!»—этотъ завѣтъ Бѣлинскаго—завѣтъ всей русской общественности.

Въ этомъ смыслѣ Петръ Великій—нашъ первообразъ: первый западникъ, онъ, въ то же время, самый русскій изъ русскихъ людей. И какъ бы ни смѣшивалъ онъ идеи національной съ государственной, сущность его остается сверхнаціональною, всемірною. То же—въ Пушкинѣ и во всей русской литературѣ: народность возвышается въ ней до всечеловѣчности.

Тяжкій грѣхъ славянофильства—мнимое признаніе, дѣйствительное отрицаніе всемірности. Одно изъ главныхъ свойствъ русскаго славянофильства—мягкотѣлость, безкостность, неумѣніе или нежеланіе доводить мысль до конца, договаривать, ставить точки на і. Вотъ эту-то недоговоренную мысль и обнажаетъ въ кристально-ясной, математически—точной формулѣ Тютчевъ, самый безстрашный и послѣдовательный изъ русскихъ славянофиловъ. Онъ вкладываетъ кости въ тѣло, ставитъ точки на і. Логика его безпощадна: стоитъ принять посылки, чтобы сдѣлать неизбежные выводы.

Сущность революціи, — утверждаетъ Тютчевъ, — есть человеческое я, ставящее себя на мѣсто Бога; «самовластье человѣческаго я, возведенное на степень политическаго и соціальнаго права». Сущность эта — антихристіанская, «антихристова», ибо «антихристъ» и есть чело-вѣкъ, поставившій себя на мѣсто Бога, «человѣкобогъ».

Таковы посылки, а вотъ и выводы.

Сущность Европейскаго Запада—революція, антихристіанство, т. е. абсолютная ложь, а человѣческое общест-во, построенное на лжи, обречено на гибель.

«Будетъ ли Франція имѣть силу отречься отъ революціи, сдѣлаться снова христіанской и монархической?—спрашиваетъ Тютчевъ въ 1870 г., наканунѣ Коммуны.—Если нѣтъ, то гибель ея неизбежна». И не только гибель Франціи, но и всего Европейскаго Запада. «Западъ отходить, все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ пожарѣ. Цивилизація убиваетъ себя своими собственными руками,—предсказывалъ онъ еще въ 1848 г. И въ 1873 г., послѣ Коммуны: «что-то въ родѣ размягченія мозга у цѣлой націи... Состояніе близкое къ идиотизму... Судорога бѣшенства овладѣла Европою... Цѣлый міръ сталъ воплощенной ложью»... Послѣднее слово Запада—«слово Іуды, который, предавъ Христа, очень умно разсудилъ, что ему остается одно: удавиться».

Всѣ вообще славянофилы ненавидятъ Западъ, можетъ

быть, не менѣе Тютчева, но стыдятся, робѣютъ и сами не знаютъ, что дѣлаютъ, когда съ медвѣжьей ловкостью сгоняютъ муху со лба спящаго друга булыжникомъ. Тютчевъ знаетъ. Правда, для него это только «игра ума», но что для него игра, то для другихъ дѣло.

Всѣ мысли Достоевскаго о «человѣкобожествѣ» революціи почти дословное повтореніе Тютчева.

Люди стыдливо скрываютъ тайну своего рожденія: такъ славянофилы скрываютъ ненависть къ Западу. Тютчевъ обнажилъ этотъ стыдъ, и, если нагота оказалась чудовищной, то вина не его, а того ученія, которое онъ проповѣдуетъ.

Человѣкоубійственная ненависть—таковъ стыдъ славянофильства, обращенный къ Западу, а вотъ и другой стыдъ, обращенный къ Россіи.

Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Это значитъ: Христосъ благословилъ Россію, а всѣ остальные народы проклялъ. «Russland, Russland, über alles». — Разумѣйте языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ», съ нами съ одними и больше ни съ кѣмъ.

Въ мірѣ только двѣ силы: Россія и революція. «Между тою и другою не можетъ быть ни договоровъ, ни сдѣлокъ: что для одной жизнь, то для другой смерть. Отъ исхода ихъ борьбы зависитъ вся будущность человѣчества... Надъ громаднымъ крушеніемъ Запада всплываетъ еще болѣе громадная Русская Держава святымъ ковчегомъ... Кто дерзнетъ усумниться въ ея призваніи?».

Не вѣрь въ Святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой!

«Ну вотъ, мы въ схваткѣ со всею Европою» (въ 1854 г., наканунѣ Севастополя). Это «заговоръ». «Въ исторіи не бывало примѣровъ гнусности, замышленной и совершенной въ такомъ объемѣ... Ополченіе Европы противъ Россіи—ополченіе самого «антихриста» противъ Христа:

Всѣ богохульные умы,
Всѣ богомерзкіе народы
Со дна воздвиглись царства тьмы...

Дѣло идетъ о послѣдней борьбѣ всего западно-европейскаго человѣчества съ Россіей. Очень возможно, что Россія погибнетъ. Но если бы случилось, что погибнетъ не она, то уже не съ Россіей придется имѣть дѣло Западу, а съ чѣмъ-то исполинскимъ и окончательнымъ, чему еще нѣтъ имени въ исторіи. Предсказаніе Наполеона на Св. Еленѣ: «черезъ 50 лѣтъ Европа будетъ революціонною или казацкою» (т. е. русскою) на нашихъ глазахъ исполняется.

Революція и Россія—«море и утесъ»: волны бьютъ объ утесъ, разбиваются и, рано или поздно, присмирѣютъ окончательно.

И безъ вою, и безъ бою,
Подъ гигантскою пятою
Вновь уляжется волна.

Вся Европа подъ пятою Россіи. Или, какъ Хомяковъ предсказалъ:

И другой странѣ смиренной
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Мечъ земли и громъ небесъ.

Отъ такого смиренія, пожалуй, самъ діаволь не отказался бы.

Но всего безстыднѣе открываетъ Тютчевъ наготу славянофильства именно тамъ, гдѣ оно всего стыдливѣе,—въ вопросѣ о религіозномъ смыслѣ самодержавія.

Власть царя—и мірская, и церковная вмѣстѣ,—власть отъ Бога; помазаніе Божіе; царь—не только царь—глава государства, но и первосвященникъ, глава церкви, намѣстникъ Христа, папа, хотя и обратный, потому что въ Римѣ церковь становится государствомъ, а въ Россіи государство—церковью. Въ этой противоположности двухъ теократій, восточной и западной, заключается главная мысль Достоевскаго, который идетъ дальше всѣхъ славянофиловъ; но и онъ до конца не доходитъ. Тютчевъ дошелъ до конца.

О будь же, царь, прославленъ и хвалимъ,
Но не какъ царь, а какъ намѣстникъ Бога...

т. е. какъ папа Третьяго Русскаго Рима.

Онъ божествомъ себя провозгласилъ,
О новомъ богочеловѣкѣ
Вдругъ притча создалась—и въ міръ вошла...

—могъ бы сказать Тютчевъ о немъ же, о русскомъ царѣ-первосвященникѣ.

Между тѣмъ какъ новые «славянофилы» (Булгаковъ, Бердяевъ, Эрнъ, Флоренскій и прочіе «вѣховцы») косноязычно мямлятъ,—Тютчевъ говоритъ внятно: самодержавіе и православіе связаны, какъ внѣшность и внутренность, форма и содержаніе, тѣло и духъ; самодержавіе—апокалипсисъ православія; православіе въ самодержавіи исполняется; разорвать ихъ, значитъ, убить.

И, наконецъ, послѣдній выводъ: русская всемірная имперія.

«Нельзя отвергать христіанскую имперію, не отвергая христіанской церкви: онѣ обоюдны (*corrélatifs*). Церковь, освящая имперію, ее себѣ приобщила и сдѣлала ее окончательно (абсолютною)». Единая вселенская церковь—единая вселенская имперія.

Ея возстановленію должны содѣйствовать два великихъ дѣла: въ области свѣтской—образованіе Греко-Славянской имперіи; въ области духовной—возсоединеніе церквей, или, вѣрнѣе, поглощеніе западной церкви восточною.

«Имперія существовала всегда, только мѣняла властителей. Четыре имперіи: Ассирійская, Персидская, Македонская, Римская. Съ Константина Равноапостольнаго начинается пятая окончательная, христіанская; ея завершеніе—Россія.

Что значитъ «христіанство»,—этой христіанской имперіи, видно изъ того, какъ Тютчевъ рѣшаетъ судьбы входящихъ въ нее народовъ.

«Или быть Польшѣ, или быть Россіи». А такъ какъ, разумѣется, быть Россіи, то Польшѣ не быть: уничтожить

ее, раздавить «подъ гигантскою пятою», и не ее одну, но и Австрію, Италію, Германію,—всѣ «богомерзкіе народы». Давить и душить,—«въ одной рукѣ распятіе и ножъ»,—какъ говоритъ онъ о Первомъ—и могъ бы сказать о третьемъ Русскомъ Римѣ. Человѣкоубійство подъ знаменемъ Христа; царство «Звѣря» подъ знаменемъ царства Божьяго.

Византійская реставрація Тютчева, эта драгоцѣнная ткань, оказалась непригодною для русской политики: дѣло обошлось дешевле. Но на полинялой тряпицѣ современнаго славянофильскаго націонализма, если всмотрѣться въ него, можно узнать тотъ же византійскій узоръ—«орлики да крестики», какъ на златотканной ризѣ Тютчева. Онъ вскрываетъ самую сущность того, что выдается и по сей день за «русскій стиль», «русскій духъ». Тютчевъ не лучше и не хуже другихъ славянофиловъ: онъ только правдивѣе всѣхъ.

Въ настоящей войнѣ происходитъ торжество славянофильскаго націонализма, окончательно выродившагося въ «зоологическій патріотизмъ». Вотъ почему исконная задача русской общественности—борьба съ націонализмомъ—сейчасъ труднѣе и отвѣтственнѣе, чѣмъ когда-либо.

Борьба велась донинѣ въ позитивной плоскости. Но окончательное преодолѣніе славянофильскаго націонализма возможно только въ той плоскости, гдѣ самъ онъ движется, а именно,—въ религіозной.

Въ этомъ отношеніи польская интеллигенція можетъ быть сейчасъ могущественной идейной союзницей интеллигенціи русской. Въ ученіи польскаго мессіанизма вопросъ объ отношеніи національной правды къ человѣческой поставленъ религіозно, т. е. именно такъ, какъ должна была и не сумѣла поставить его русская интеллигенція.

Польскій мессіанизмъ наиболѣе противоположенъ русскому славянофильскому націонализму. Сущность идеи мессіанской — не хищное, насильственное господство одного народа надъ всѣми другими, а служеніе, самоотреченіе, страданіе, жертва. «Кто изъ васъ хочетъ быть господи-

номъ, да будетъ всѣмъ слугою; кто хочетъ быть первымъ, да будетъ послѣднимъ».

Великія страдальческія судьбы Польши—небывалая всемірно-историческая Голгофа. Ни одинъ народъ такъ не страдалъ, кромѣ народа Божьяго, народа Мессіи по преимуществу,—Израиля. Польша и есть новый Израиль, во-истину новый народъ Божій. Идея жертвеннаго служенія воплотилась въ немъ, какъ ни въ одномъ изъ христіанскихъ народовъ. Россія страдала за Европу; Польша страдаетъ за Россію. «Язвами ея мы исцѣлѣмъ». Въ этомъ смыслѣ польскій народъ — во-истину народъ «богоносецъ».

Лучшее лѣкарство отъ застарѣлой русской болѣзни—славянофильскаго націонализма — польскій мессіанизмъ, жертвенное служеніе народа высшей правдѣ всечеловѣческой.

Вотъ почему совершающееся нынѣ духовное сближеніе Польши съ Россіей можетъ быть спасеніемъ обоихъ народовъ. «Еще Польша не сгинула» — да прозвучитъ въ нашихъ сердцахъ, какъ вѣчный завѣтъ: «еще Россія не погибла».

Вмѣстѣ погибали—вмѣстѣ и спасемся.
